

УДК 94(47).047/07

Шапиро Б. Л.¹

ИСТОРИЯ РОСКОШИ В РОССИИ XVIII ВЕКА:

БОЛЬШАЯ СОБОЛЬЯ МУФТА

Российский государственный гуманитарный университет

Shapiro B. L.

THE HISTORY OF LUXURY IN 18TH-CENTURY RUSSIA:

THE GREAT SABLE MUFF

Russian State University for the Humanities

Аннотация. Исследование одного из множества частных случаев русской придворной моды XVIII в. проводится на материалах документов имущественного и хозяйственного характера. Полученный результат позволяет включить описи имущества и описи приданого русской знати и их ближайшего окружения, дворянок и горожанок в круг актуальных, но пока малоизученных источников по истории костюма и моды, меховой моды, а также по истории роскоши.

Ключевые слова: Россия XVIII века, петровские реформы, демонстративное потребление, история костюма, история моды, меховая мода.

Abstract. This research of one of the many particular cases of the 18th century Russian court fashion conducted on the materials of the documents of property and economic character. The result makes it possible to include property inventories and dowry inventories of the Russian nobility and their inner circle, noblewomen and townswomen, into the range of relevant, but still little-studied sources on the history of costume and fashion, fur fashion, as well as on the history of luxury.

Keywords: Eighteenth-century Russia, Peter the Great reforms, demonstrative consumption, history of costume, history of fashion, fur fashion.

Восемнадцатое столетие — время роскошной придворной моды, когда гардеробы русской знати впервые наполнились вещами по западноевропейской моде: пышными юбками и вычурными кафтанами, сложными париками, изысканной обувью, необычными и эффектными аксессуарами. Предметом настоящего анализа стала эволюция придворной моды и связанного с ней демонстративного потребления предметов роскоши в России XVIII в.

¹ Шапиро Бэлла Львовна — канд. ист. наук, доцент, доцент Российского государственного гуманитарного университета.

Ключевым моментом в развитии вопроса стали петровские реформы, итогом которых стало введение костюма западноевропейского типа: сначала среди придворных, а затем и для прочего населения. Акцент в исследовании сделан на одном из самых престижных элементов модного костюма эпохи, испытывавшей влияние суровых климатических условий Малого ледникового периода — меховой муфте.

Состояние вопроса можно существенно уточнить, привлекая к анализу материалы имущественного и хозяйственного характера — описи имущества частных лиц и семейно-правовые акты, сопровождающие совершение брака — источники, сегодня недооцененные и малоизученные.

Меховую муфту, без преувеличения, можно назвать самым желанным аксессуаром столетия. Ее прообразом в Европе XIV — XV вв. было воронкообразное удлинение манжет узких рукавов, весьма желательное для холодного времени года; руки согревали, соединяя манжеты вместе. Такая муфта-рукав бытовала и в позднесредневековой России [7, с. 182]: самыми известными, вероятно, нужно считать те семь «муфт или рукавов россамачьих, выдровых, бобровых, волчьих и лисьих» [1, с. 293–294], что были приобретены Великим посольством царя Петра Алексеевича вместе с прочей теплой одеждой при сборах к английскому путешествию в январе 1698 г. Царица Агафья Семеновна владела также семью «рукавами собольими», бархатными, атласными, алтабасными, украшенные жемчугом, драгоценными камнями и «круживом плетеным с городы золото с серебром»; одна муфта-рукав принадлежала царице Марии Ильиничне [5, с. 634].

Изображение цилиндрической муфты как самостоятельного аксессуара для согревания рук, больше схожего с сумочкой, нежели с рукавом, известно со времен Чезаре Вечеллио — именно на рисунках этого художника мы впервые видим объемные меховые муфты в руках венецианок (1590) (12, с. 130, 136). В XVII — XVIII столетиях муфты как совершенно необходимую деталь зимнего гардероба уже носят и мужчины, и женщины (4, с. 470–471;) [8, с. 105].

Вместе с петровскими реформами мода на «новые» муфты приходит и в Россию. «Муфта соболья» обнаруживается в описи имущества (1731) первой супруги царя Петра Алексеевича иноки Елены (Евдокии Лопухиной) (8, с. 53). Среди целого десятка муфт сестры царя Натальи Алексеевны были и две собольих (1716) (6, с. 211). Две собольи муфты мы видим в приданом племянницы царицы Марфы Матвеевны Прасковьи (1714). Муфты составила только часть богатого соболиного приданого девушки, куда, помимо них, входили две парчовые епанчи с соболиной опушкой, две собольи шапки с бархатными головками и собольи «огоньки» на шею (7, с. 539–540). По одному «собольему муфту» упоминается среди

приданого у каждой из московских дворянок: сестры князя Романа Горчакова Марии (1710), невесты гардемарина Ивана Ордина-Нащокина Татьяны Наумовой (1719), невесты поручика Ивана Ильина Феодосии Гагариной (1717), невесты капитана морского флота Конона Зотова Марьи Васильевой (1724) и Дарьи Римской-Корсаковой, невесты князя Василия Мещерского (1717) (5, с. 437, 490, 497, 524, 624).

Среди колоссального по объему и стоимости приданого богачки Екатерины Нарышкиной, невесты графа Кирилла Разумовского (брата фаворита императрицы), мы видим целых три муфты — одну соболиную, одну из чернобурых лисиц и одну «переную» муфту (1746) (1, с. LV, LXIV).

Очевидно, что самыми желанными были соболиные и горностаевые муфты, доступные лишь аристократии; а лучшими среди соболиных — те, что украшались так называемыми собольими «огоньками», т.е. собольими хвостиками. Такой «муфт пластинчатый соболий с огоньки» упоминается среди богатого приданого невесты стольника Василия Хлопова Авдотьи, происходящей из московских бояр Колычевых (1703) (3, с. 255). Великолепие этой муфты можно представить по другой части соболиного приданого Авдотьи: это

- 1) соболья шапка польского покроя;
- 2) три шелковых кафтана-венгерки: камчатый «жаркий» (т.е. оранжевый – прим. авт.), камчатый вишневый и байберековый, первый из которых был подложен собольями, два других — белкой; и
- 3) русская шуба из камки макового цвета на беличьих черевах.

Все три кафтана и шуба были опушены собольими «огоньками» и украшены золото-серебряным кружевом (3, с. 254–255). Возможно, шуба и муфта, либо какой-то из кафтанов были комплектными к муфте, составляя эффектную пару «шуба + муфта» или «кафтан + муфта».

«Муфть норковая» обнаруживается в приданом дочери московского стольника Екатерины Пургусовой, невесты поручика Андрея Селиверстова (1717) (5, с. 489). Довольно часто среди имущества дворянок встречаются лисьи муфты.

Среди описей имущества небогатых горожанок, не привыкших к частым обновкам, мы видим менее статусные меха и более дешевые муфты, иногда с пометами «старая», «ветхая», «гнилая», «негодная». Так, при посмертном распределении пожитков опального царевича Алексея Петровича его любовнице — крепостной девке Афросинье — досталась старая хорьковая муфта (1718). О том, какую малую материальную (не мемориальную!) ценность имела эта вещица, лучше всего скажут вещи, переданные вместе Афросинье с муфтой: небольшой кусок пунцовой ленты, спорок со старого камчатого одеяла, отрез тафты в полови-

ну аршина, две старые рубахи, шелковые обрезки и остатки зеленого чая и т. п. (9, с. 571–572). Известно, что среди переданного имущества были и достаточно дорогие вещи, как-то: шесть белых кружевных чепцов, пестрый шелковый платок, ножницы, тафтяной кунтыш, деревянные четки, две парчовые женские шапки, пара женских башмаков, соболья шапка, брабантские кружева, белый парик, серебряный пояс и др., что только подчеркивает малую ценность ветхой муфты из малоценного меха.

Так трансляция моды шла по «как бы по зауженной кверху спирали: от малочисленного дворянского круга к все более численно расширяющимся кругам городского населения. На каждом из таких кругов в этот процесс втягиваются новые социальные слои, от среднеобеспеченных до малообеспеченных» [3, с. 193].

Муфты первой половины столетия более чем скромны в размерах; встречаются и микро-муфты, больше уместные в детском гардеробе: здесь будет не лишним заметить, что детская меховая мода, как и детская мода в целом до 1760–1780-х гг., копировала моду для взрослых. Изменения в этой области начались лишь с распространением воспитательных идей французского просветителя Ж.-Ж. Руссо (1712–1778) и, чуть позднее, швейцарского педагога И.Г. Песталоцци (1746–1827). Не случайно муфта, найденная на женской половине дома Головкиных (1742) была обозначена в описи имущества как «муфта соболья малая» [9, с. 238]. С 1760-х гг. маленькие муфточки погребены в «вечный мрак сундуков» (10, с. 251), где, по словам современников, их ждали моль и тление. Вектор моды переменялся: теперяшность согревательницы рук была отдана огромным и бесформенным меховым муфтам, по форме схожим со скорее осиным гнездом, нежели с аккуратным и компактным цилиндром — типичной «малой» муфтой первой половины — середины XVIII столетия.

Стоит отметить, что в эпоху галантного века, странную пору, когда цари и царедворцы предпочитали «длинные завитые волосы, посыпанные пудрой и надушенные духами, пряжки и на башмаках и коленях заменены для удобства шелковыми бантами... На руки надевают перчатки, зубы не только чистят, но и белят, лицо румянят. Не желая ни в чем отставать от женщин... употребляют тонкое полотно и кружева, обвешивают себя часами, надевают на пальцы перстни, а карманы наполняют безделушками» [6, с. 110], муфта стала желанным аксессуаром для обоих полов. По свидетельству современников, редкий модник той эпохи обходился без «маньки»: это «по-старинному, а по-нынешнему муфточка», — объясняет Д.И. Фонвизин в 1772 г. (11, с. 146).

Так, среди гардероба светлейшего князя Александра Меншикова упоминаются 147 рубах, в т.ч. с кружевными манжетами, около 50 кружевных галстуков, 55 пар кружевных и шелковых чулок, 25 париков, парчовая домашняя одежда и такие же туфли, и соболья муф-

та. Царевичу Алексею Петровичу принадлежала «муфта лисья черная», сановнику князю Алексею Долгорукову – одна соболья муфта и одна «рассомачья» (1732) (т.е. из меха росомахи – *Б.Ш.*), адмиралейцу Александру Кикину – муфты собольи и рысьи (1718) (9, с. 574) [4, с. 173; 9, с. 87, 183].

Пик увлечения русского дворянства муфтами, насколько можно судить, пришелся на последнюю четверть столетия, когда они, увеличиваясь в размерах год от года, достигли предельных объемов к рубежу столетий. Об этом нам сообщают модные журналы и живопись того времени. Не отстает и карикатура, обращенная на смешные, нелепые, а порой и уродливые изображения щеголей и щеголих (см., например, «*Satirical Print*» (1787) и «*Mama's Muff & Tipplet*» (1795) из Британского музея), и остроумная сатирическая проза (см. «Письмо От Собольей Маньки к Моде» и «Ответ Моды к Собольей Маньке» Н.И. Стрехова, где фиксируется замена «малой» собольей муфточки на Большую Соболью Муфту) (10, с. 251–252). Переломным моментом в истории меховой муфты в России стали последние годы столетия, когда павловским указом офицерам воспрещалось ношение муфт и меховых шуб [2, с. 94]. Они «должны были совсем позабыть прежний свой и избалованный совсем образ жизни, но приучить себя вставать очень рано, быть до света еще в мундирах, перестать кутаться в шубы и муфты», — вспоминал в «Памятнике претекших времен» мемуарист А.Т. Болотов (2, с. 224). Светский мужской костюм в это время находился под сильным влиянием военного, и к рубежу столетий муфта превратилась в сугубо дамский аксессуар.

Итак, можно утверждать, что в XVIII столетии, в эпоху ошеломительной роскоши придворного костюма и быта, меховая — прежде всего соболья — муфта по праву занимала место одного из самых модных аксессуаров, необходимых для модников обоих полов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. 1746 года декабря 20 опись Ее Императорского Величества фрейлины Екатерины Ивановны Нарышкиной имениям, что чего в Московском доме в казенной явилось ныне налицо // Васильчиков А. А. Семейство Разумовских. Т. 1. — СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1880. — С. XLV–LXXIV.
2. Андрей Болотов. Памятник претекших времен, или Краткие исторические записки о бывших происшествиях и о носившихся в народе слухах // Записки очевидца: воспоминания, дневники, письма. Т. 1. — М.: Современник, 1989. — С. 6–276.
3. Боярский род Колычевых, составленный Б[ароном] М[ихаилом] Л[ьвовичем] Б[оде] К[олычевым]. — М.: Синодальная тип., 1886. — 493 с.

4. Кибалова Л., Гербенова О., Ламарова М. Иллюстрированная энциклопедия моды. — Прага: Артия, 1986. — 608 с.
5. Дворяне Москвы: свадебные акты и духовные завещания петровского времени. — М.: Политическая энциклопедия, 2015. — 911 с.
6. Дело о пожитках государыни царевны Наталии Алексеевны // Старина и новизна. — 1914. — № 17. — С. 115–231.
7. Материалы исторические и юридические района бывшего Приказа Казанского дворца. Т. 4. Архив Александра Петровича Языкова. Собрание актов 17-го, 18-го и первой половины 19-го столетия, касающихся истории Сибирского, Буинского, Карсунского и Сызранского уездов. — Симбирск: Тип. бр. Сысовых, 1904. — 654 с.
8. Описание имущества Государыни Царицы Евдокеи Феодоровны / Дубровский Н.А. Последние годы жизни Государыни Царицы Евдокии Федоровны // Чтения в Обществе истории и древностей российских. — 1865. — № 3. — С. 44–63.
9. Распределение вещей царевича Алексея Петровича, по смерти его // Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 6. Царевич Алексей Петрович. — СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1859. — С. 571–575.
10. Страхов Н.И. Переписка моды // Русская сатирическая проза XVIII века. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. — 448 с.
11. Фонвизин Д.И. Опыт модного словаря щегольского наречия // Русская сатирическая проза XVIII века. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. — С. 143–148.
12. Vecellio C. De gli habiti antichi et moderni di diverse parti del mondo. — Venetia: Presso Damian Zenaro, 1590. — 499 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. Т. 2. Первое заграничное путешествие. — М.: ОГИЗ-СОЦЭКГИЗ, 1941. — 624 с.
2. Власов Ю.Н. Павел I – коронованный тиран или просвещенный реформатор? // История философии. — 1999. — № 4. — С. 89–105.
3. Волобуева Т.О. Эволюция городского костюма как отражение модернизационных процессов в российском обществе второй половины XIX — начала XX вв.: дис... канд. ист. наук: 07.00.02. — М.: Рос. гос. ун-т туризма и сервиса, 2008. — 236 с.
4. Жаркова Н.Ю. Имущество А.Д. Меншикова по неизвестной описи 1732 года // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 70. Петровское время в лицах — 2013: К 400-летию Дома Романовых (1613–2013). — СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. — С. 162–173.

5. Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. — М.: Тип. Грачева, 1869. — 670 с., 178 с.
6. Киреева Е.В. История костюма. — М.: Просвещение, 1970. — 166 с.
7. Кирсанова Р.М. Костюм в русской художественной культуре 18 — первой половины 20 вв. — М.: Большая российская энциклопедия, 1995. — 383 с.
8. Седова М., Седова Е. Занимательная история сумки. — СПб.: Славия, 2005. — 156 с.
9. Тихонов Ю.А. Мир вещей в московских и петербургских домах сановного дворянства (по новым источникам первой половины XVIII в.). — М.: Кучково поле, 2011. — 400 с.

REFERENCES

1. Bogoslovskij M.M. Petr I. Materialy dlja biografii. T. 2. Pervoe zagranichnoe puteshestvie. — М.: OGIZ-SOCJeKGIZ, 1941. — 624 s.
2. Vlasov Ju.N. Pavel I – koronovannyj tiran ili prosveshhennyj reformator? // Istorija filosofii. — 1999. — №. 4. — S. 89–105.
3. Volobueva T.O. Jevoljucija gorodskogo kostjuma kak otrazhenie modernizacionnyh processov v rossijskom obshhestve vtoroj poloviny XIX — nachala XX vv.: dis... kand. ist. nauk: 07.00.02. — М.: Ros. gos. un-t turizma i servisa, 2008. — 236 s.
4. Zharkova N.Ju. Imushhestvo A.D. Menshikova po neizvestnoj opisi 1732 goda // Trudy Gosudarstvennogo Jermitazha. T. 70. Petrovskoe vremja v licah — 2013: K 400-letiju Doma Romanovyh (1613–2013). — SPb.: Izd-vo Gos. Jermitazha, 2013. — С. 162–173.
5. Zabelin I.E. Domashnij byt russkih caric v XVI i XVII stoletijah. — М.: Тип. Gracheva, 1869. — 670 s., 178 s.
6. Kireeva E.V. Istorija kostjuma. — М.: Prosveshhenie, 1970. — 166 s.
7. Kirsanova R.M. Kostjum v russkoj hudozhestvennoj kul'ture 18 — pervoj poloviny 20 vv. — М.: Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija, 1995. — 383 s.
8. Sedova M., Sedova E. Zanimatel'naja istorija sumki. — SPb.: Slavija, 2005. — 156 s.
9. Tihonov Ju.A. Mir veshhej v moskovskih i peterburgskih domah sanovnogo dvorjanstva (po novym istochnikam pervoj poloviny XVIII v.). — М.: Kuchkovo pole, 2011. — 400 s.

Рецензент: Ляпин Денис Александрович, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и историко-культурного наследия ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина».